

По свойственной ему уверенности, Керенский тогда убежал без всякого ответа протестовавшему офицеру.

Очевидно, Керенский был душой согласен с обидевшимся на него революционным офицером, но он не хотел сознаваться в этом перед солдатской массой...

Чтобы не обидеть товарищей-солдат, приведших своих избитых офицеров, Керенский дал распоряжение об освобождении подпоручика Куркина лишь после ухода солдат, поздно вечером...

Так завоевал Керенский свою популярность у солдатской массы и так способствовал росту солдатского бунтарства.

<...>

«Таврическая горячка Керенского». Черные страницы истории Русской Революции

Управление Керенского Россией началось со страха за свою карьеру и этот страх до сих пор руководит Александром Федоровичем.

Керенский до болезненности боялся выдвигать в первые ряды революции и революционного правительства людей энергичных, честных, прямых и талантливых в слове, в организаторской способности.

Такими людьми он бросался, как перчатками.

В силу этой боязни Керенский всюду хотел быть сам, собственной персоной и властью стремился заслонить все и всех.

Не только в больших делах, но и в малых так самодержествовал Александр Федорович.

Из-за этой своей слабости и склонности к самодержавию Керенский доходил до смешного и своими распоряжениями приводил в удивление тех, кто близко стоял тогда к делам революционного Таврического дворца.

На охрану арестованных сановников старого режима был поставлен к дверям комнаты Таврического дворца верный перевороту человек, боевой поручик П.

Не простоял П. на этом ответственном посту и четверть часа, как к нему подбежал Керенский с каким-то молодым евреем и попросил передать караул.

Удивленный таким распоряжением и недоверием поручик П. кровно обиделся, но высказать свою обиду Керенскому в глаза не нашел удобным.

П. посмотрел на нового, «верного» караульного, который положительно не мог держать ружья, и ушел с раздумьем о «товарище» Керенском.

Когда при Временном комитете Государственной думы образовалась Военная комиссия для временного руководства военными делами Петрограда и когда в эту Комиссию Комитет поставил надежных в революционном смысле людей, то самодержец Керенский сейчас же взял эту Военную комиссию под подозрение и делегировал в нее своих верных штатских соглядаяв: Письменного¹ и Кантора², двух очень правоверных евреев.

Этим делегатам и соглядаям Керенского положительно нечего было делать в Военной комиссии, но, несмотря на это, они, как верные рабы Александра Федоровича, торчали там, мозоля глаза действительным работникам Комиссии.

Письменный и Кантор никаких определенных обязанностей [в] Военной комиссии не несли, но положительно во все старались сунуть свои носы...

Членам Комиссии видно было, что эти посланцы хорошо выполняют наказ пославшего их Александра Федоровича.

И служба Письменного и Кантора за Александром Федоровичем не прошла даром:

Письменный и Кантор теперь сидят на высоких постах около командующего войсками Петроградского округа, неся службу по гражданской части.

Ревнивый к политической и государственной карьере Керенский не давал дорогу людям сильной воли крупных талантов, но мелкодушную челядь приголубливал и подсаживал хотя к маленькому краешку государственного пирога...

Взять, например, некоего Минца³, который в первые дни революции крутился в Таврическом дворце и, чтобы заслужить Керенскому (так в тексте. — *Сост.*), вместо контрреволюционеров арестовывал из мести своих личных врагов.

За такую «заслугу» Минц теперь занимает должность помощника комиссара русского Северного фронта.

Каких и за что он там арестовывает «контрреволюционеров», — об этом нам пока не известно, но мы верим, что доблести этого деятеля скоро будут известны и, безусловно, удивительны...

Таким способом и таких людей подбирали себе Керенский, Чхеидзе и их Совет.

А вот когда потребовал заикнуться о самостоятельности в командовании войсками Петроградского округа генер[ал] Корнилов, то Керенский и Чхеидзе живо оборвали его:

— Нет, революционное войско мы никому не отдадим! Оно — главный страж революции!!!

Хотя на революцию Керенский и Чхеидзе напрасно ссылались. У них никто не пробовал похитить ее.

Им важно было удержаться на той революционной высоте в своей политической карьере, с которой можно бы было свободно перелететь в Зимний дворец...

И планы Александра Федоровича, как более рьяного к личной карьере, чем малоподвижный Чхеидзе, вполне осуществились.

Александр Федорович перелетел на царское пепелище, где очень скоро привык и приступил к таким самодержавно-личным делам, о которых даже самодержцы Романовы помышлять боялись...

